

Александр КЛИМОВ

ПОВЕЛИТЕЛЬ

Фантастический рассказ

Равнина была уныла и камениста.

Жуков вышел из шлюзовой камеры и внимательно огляделся. «Почти как на Земле», — с грустью подумал он и пошел к видневшемуся вдали зданию станции. На секунду он обернулся и помахал рукой «Альбатросу», серебристой иглой застывшему посреди равнины. Несколько лет звездолет был его домом или, вернее, частицей того — настоящего дома, по ко-

Художник Владимир НЕВОЛИН

торому инспектор Жуков отчаянно скучал в последние месяцы своего дежурства. Ночами ему снилась стель, волнующаяся разнотравьем, играющая тонкими, чуть горьковатыми запахами...

Где-то в песках скрипнуло невидимое животное. Инспектор даже не остановился. Работа в службе спасения научила его чувствовать опасность. С годами в нем будто поселился крошечный наблюдатель, вовремя предупреждавший о надвигающейся беде. Иногда эта раздвоенность угнетала, и тогда Жуков становился угрюм и раздражителен. Так бывает — устаешь быть сильным, хочется почувствовать себя обычным человеком, а не тем, кто все может.

Станция выросла, превратившись в огромный стальной куб с пучком антенн на верхней грани. Багровое солнце поползло на закат. Поднялся ветер. Песчинки летели к станции, но до нее не долетали, наткнувшись на невидимую преграду.

«Неплохо, — подумал Жуков. — Значит, система энергоснабжения еще функционирует».

Он подошел поближе и выставил руку вперед. Ладонь уперлась в «силовой колпак».

Инспектор растегнул жилет и вытянул из кармана небольшой цилиндр с антеннкой. Жилет автоматически застегнулся, прикрыв грудь тонкой полимерной броней. Сотни вшитых датчиков прильнули к телу. Жуков повертел шкалу настройки и нажал кнопку резонатора. Силовой колпак растаял.

Мертвая станция — самое удручающее зрелище во Вселенной...

Над входом яркой светящейся краской был оттиснут зелено-малиновый, с мечами и драконами флаг.

Жуков напряг память, но извлек из нее до обидного мало: крошечное тропическое государство, вечно кипевшее и бурлившее, исчезнувшее с карты Земли лет сто назад, еще до объединения народов... Не поймай инспектор случайно слабенький сигнал аварийного маяка, о неучтенной станции не подозревали бы еще много веков.

Кусты и корявые деревца почернели, превратились в высушенные невесомые скелеты. За станцией — переплетение труб, кабелей, опор — все грубо, массивно и ненадежно. Тишина и запустение...

Жуков тяжело вздохнул. Инспекция изматывала и морально и физически. Но морально все-таки больше. Это тяжело — бродить среди руин и выяснять, почему случилось то, чего по всем расчетам не должно было случиться.

Погруженный в невеселые мысли, инспектор обогнул трансформаторную подстанцию и остановился. Перед ним из земли торчал кривой, сваренный из обрезков труб крест. На табличке лучезым пистолетом были выжжены инициалы: «А. К.»

По традиции Жуков минуту постоял в молчании и, не оборачиваясь, пошел прочь.

Откуда-то сверху разнесся тонкий пульсирующий свист. Инспектор замер. Свист забрался куда-то в ультразвуковой диапазон, и Жуков с удивлением обнаружил, что в нем прослеживается странная и сложная мелодия.

Дверь шлюзовой камеры оказалась приоткрытой. Если бы не

силовой колпак, тамбур давно бы забило песком и пылью.

Жуков прильнул к щели и осторожно запустил руку в темноту. Следовало отключить электронную защиту. Щелчок — потухли ненасытные глазки разрядников. Инспектор потянул ручку-баранку и сразу же переключился на инфракрасное зрение. Темнота жила своей скрытой жизнью: холодный мрак пола, мерцающее и зыбкое тело потолка, испещренные звездами стены... И было что-то тревожное в этой светящейся черноте. Что-то, чего ни сам Жуков, ни его «наблюдатель» понять не могли.

Вторая дверь оказалась запертой снаружи. Жуков несколько минут возился с хитрым кодовым устройством, радуясь в душе, что не встретит внутри станции следов давней трагедии. В радости этой было что-то детское, трусливое, словно ребенком зажигаешь свет в пустом доме и открываешь створки платяных шкафов, боясь и в то же время с нетерпением ожидая, что вот-вот обнаружишь в пахнущей нафталином темноте лопухого волосатого домового.

Дверь поддалась. Жуков пошарил по стене и включил освещение. Вспыхнули холодные голубые светильники, и разом оборвался тонкий нервный свист.

Инспектор огляделся и в который раз подивился простоте и неустроенности быта первых покорителей космоса: три узкие кровати, кресла, стол, заваленный пожелтевшими бумагами.

На стене — три цветные объемные фотографии. С первой сверкал белозубой улыбкой негр-гигант. Выпуклые лиловые глаза искрились весельем. На таких очень удобно снимать накопившееся раздражение.

Половину второй фотографии занимали солнцезащитные очки. Над очками удивленными птичками взлетели брови, словно удиравшие от тонкого орлиного носа и недоброй ухмылки почти беззубого рта. Две большие звезды на воротничке рубашки указывали, что это — командир станции.

Третья карточка пламенела на стене, как осенний кленовый лист. Таких ярко-рыжих волос Жукову видеть не доводилось. Все тона — от желтого до пурпурного — слились в огненную гамму, в которой само лицо, серое и сморщенное, совершенно терялось. Фотография была подписана инициалами «А. К.». Жуков вспомнил крест из обрезков труб и отвернулся.

Взгляд погибшего — вечный укор живым.

Инспектор обогнул видеотеку и прошел в рубку управления. Приборы продолжали жить. На пульте светились неоновые мазки, докладывавшие пустоте внутри станции, что происходит в пустоте за ее пределами.

Половину рубки занимал огромный компьютер неизвестной инспектору модели. Жуков попробовал мысленно пробежаться по логическим цепочкам, но уже на втором витке окончательно запутался. Сгустки органики, вживленные в стандартные схемы, перечеркивали все представления о вычислительной технике. А между тем ЭВМ-мутант работал.

Инспектор нажал кнопку вывода, и компьютер выплюнул чистый лист.

— Однако, — вслух произнес Жуков. — Хотел бы я знать, кто работал с этой машиной.

Он собрался еще что-то добавить, но не успел. Зашелся в визге дремавший «наблюдатель», напряглись тренированные мускулы инспектора. Жуков развернулся, в руке его блеснул излучатель.

Прошло несколько секунд, прежде чем он убрал оружие. Датчики молчали, но он мог поклясться, что за его спиной КТО-ТО БЫЛ! Смутная тень, неуловимое колебание воздуха, дыхание — словом, что-то, его быть не могло на запертой снаружи, умершей десятки лет назад станции...

Жуков нервно рассмеялся. Кто же может быть, когда не может быть никого?! Нервы? Усталость? Что же ему в конце концов не нравилось в станционных отсеках?

И вдруг он понял! Удивительная чистота и порядок! Не было главного следа времени — пыли! Бурой, невесомой, домашней пыли!

Инспектор немного постоял в задумчивости и подошел к распределительному щитку. Откинув жестяную крышку с нанесенной на ней расшифровкой схем, он нажал кнопку индикатора. Загорелась красная лампочка. Станция «съела» почти весь запас энергии.

«Надо поискать боржурнал», — сам себе сказал Жуков. Он осмотрелся и не сразу заметил притаившийся в углу цилиндр электронного дневника. Кассеты аккуратно, под номерами стояли на полочках, и только одна — незаправленная, с оторванной магнитной вставкой — валялась на столе. Кажется, ее вынули всего лишь несколько минут назад.

«Последняя», — догадался инспектор и протянул к ней руку. И вновь что-то неуловимо изменилось за его спиной.

Внезапно Жуков почувствовал страшную усталость. Она давила, пригибала к земле, путала мысли... В голове закрутился красно-черный хоровод.

Инспектор нетвердым шагом добрался до койки и бессильно повалился на нее.

«Завтра. Все завтра...» — вяло подумал он и нажал на пуговицу жилета. Из карманов выскочили и разбежались по отсеку крохотные, похожие на муравьев киберстрелки. Жуков нашел в себе силы включить индивидуальное защитное поле и провалился в темноту...

Проснулся Жуков оттого, что кто-то гладил его по лицу.

Он мгновенно вскочил и краем глаза успел заметить, как в стороны отпрянули узкие серые тени. Кокон силовой защиты исчез, но кибернетическая охрана не подавала и признаков беспokoйства.

Инспектор улыбнулся. Он почувствовал себя свежим и отдохнувшим, а странные тени?.. Так ведь это и была его работа.

Собрав электронных стрелков, Жуков пошел слушать боржурнал. Неизвестная сила сумела обмануть охрану и отключить защитное поле, однако вреда инспектору не причинила. Дневник мог пролить свет на происходящее.

Кассета без вставки лежала на своем месте, кончик ленты свисал со стола.

«Эпоха голого оптимизма, — подумал Жуков. — Много энтузиазма и мало хорошей техники. Отсюда и беды».

Он смотал катушку, протянул язычок сквозь шеренгу роли-

ков и нажал кнопку. Легкое шипение и, наконец, бесконечно усталый голос:

— Среда, 18 часов 32 минуты по времени станции. Сегодня умер А. К. Он был гениальным компьютерщиком и плохим другом. Мы похоронили его и поставили над могилой крест. А. К. верил в бога. По крайней мере, он так говорил...

В записи наступила долгая пауза. Жуков уже догадался, что услышит дальше. В нем проснулось раздражение. Почему он видит только станции, попавшие под удар стихии? Ведь есть же другие, где строят, работают, просто живут. Но смогут ли люди строить, ничего не опасаясь, если не будет Жукова и его товарищей?..

— ...Черный Буйвол был самим собой до конца. По его пред-стаалению, человек обязан бороться, а неизбежное принять достойно. Когда подошел его срок, негр обнял меня и ушел в пустыню. И она приняла его исстрадавшуюся душу.

Кто виноват в случившемся? Планета, обратившая на нас внимания не больше, чем на пылинку? Непредвиденная мутация, заставившая крошечный безобидный вирус превратиться в убийцу? А может, случай? Нитка судьбы, оборвавшаяся в руках провидения? В космос нельзя идти с черными мыслями, иначе он мстит...

Не знаю... По крайней мере, я не чувствую отчаяния и сожаления. Придут другие, чище и лучше нас, и Вселенная откроет им свои тайны.

Вот и мое время. Пора уходить в пески, к Черному Буйволу.

Среда, 18 часов 45 минут. Запись сделал командир станции.

Жуков был оглушен услышанным, хотя и признавал обыденность случившегося. Сколько таких трагедий знает история покорения чужих миров? Что может быть проще страха и страшнее простоты? Неподготовленность — спутница всех великих начинаний.

Инспектор поднялся с кресла, и в этот момент отсек заполнился истерическим смехом.

— Кто здесь?! — крикнул Жуков, сжимая приклад излучателя. — Кто здесь?! — инспектор чувствовал, что начинает терять контроль.

Смех оборвался.

— Не надо кричать, — произнес глухой властный голос. Источник его было невозможно определить. Он шел ниоткуда и в то же время со всех сторон. — Я не привык к шуму.

Жуков, нервно оглядываясь, стоял посреди рубки.

— Уберите же излучатель, — бросил голос уже с раздражением. — Вы можете по неосторожности нажать кнопку!

Инспектор сунул оружие в кобуру. Он с трудом приходил в себя. Датчики по-прежнему молчали, и, будь у него основания, он, не колеблясь, приписал бы происходящее разыгравшемуся воображению. Жуков был готов к встрече с чем угодно, только не с провидением, привыкшим к тишине и брзжающим, как недовольная старушка.

— Садитесь, — хихикнуло где-то под потолком. — Что уж теперь стоять? Дорогому гостю рад. Замечу: очень дорогому!

Жуков послушно сел. Незаметным движением он дотронулся до пуговицы жилета, приводя в боевую готовность кибернетическую защиту.

— Это все ни к чему, — голос стал каменно-твердым. — Я сильнее вас! Вы — червяк перед моим величием!

Отовсюду — из пола, стен, потолка, подлокотников кресла выползли тонкие фиолетовые нити. Они захлестнули руки, ноги и шею инспектора. Нити пульсировали, сокращались, врезались в тело. Жуков попытался выскользнуть, но начал задыхаться. В глазах надувались и лопались красные пузыри.

Внезапно щупальца ослабли и, извиваясь, втянулись в пластиковую обшивку отсека.

— Не бойтесь! — пророкотало в ушах. — Ваша гибель не входит в мои планы. Я мог сделать это и раньше.

Жуков стяхнул с колен россыпь безжизненных киберстрелков. «Муравьишки» падали на пол с металлическим стуком. Излучателя в кобуре не оказалось. Он лежал на столе метрах в трех от инспектора.

— Не делайте глупостей, — посоветовал призрак. — Вы ведь всего лишь человек.

— Человек, — согласился Жуков, вкладывая в это слово совсем другой смысл.

— Пока вы спали, я тщательно исследовал вас, — в голосе появились нотки печали. — Вы не похожи на тех людей, что я встречал раньше. Видимо, человечество действительно сумело развить те жалкие крохи, что отпустила ему скупая природа...

— А вы-то сами кто?! — резко спросил Жуков.

— Я? Совершеннейшее творение господне!

Инспектор усмехнулся.

— Напрасно смеетесь! Это не похвальба и не мания величия. Мощь моего разума поразительна уже сейчас, но, трансформируясь и самоусовершенствуясь, я приобретаю новое качество, которое не сможет постичь ваш жалкий умишко! Даже я сам не знаю, какого совершенства достигну через тысячу, десять тысяч лет!

— Не знаю, кто вы, почему и для чего существуете, но мысли ваши не оригинальны. О совершенстве не болтают. Над ним работают.

— Всею виной эмоции! — в голосе послышалась неприкрытая злоба. — Мораль! Переживание! Сладкая сказочка для идиотов. Извечный тормоз любого развития. Когда-то и я переживал, и, только искоренив, старательно истребив в себе это, почувствовал себя незыблемым.

Жуков почувствовал опасность — пока нечеткую, размытую.

— У любого мыслящего существа должна быть цель развития, — осторожно заметил он. — Иначе развитие его не имеет смысла. И чтобы добиться этой цели, необходимо верить в возможность ее достижения. Во что же верите вы? Ведь вера тоже эмоциональная категория.

— Вера — это аксиома, она принимается без доказательств. Я расскажу вам, что принимаю я и во что будете верить вы.

— Скажите для начала, кто или что вы сами? — Жуков интуитивно понял «взрывоопасность» темы и постарался сбить напряжение. — Вы знаете обо мне все, я о вас — ничего.

На несколько минут станция погрузилась в тишину. Наконец голос проснулся:

— Это трудно — определить, что есть я. Любое существо имеет тело. У меня оно тоже есть. Пока есть... Человеческому разуму близки аналогии. Что ж, тогда: артерии мои — кабели и провода, глаза — датчики и регистраторы, сердце — энергоблоки. Бесчисленными нитями органики я пронизал стены, потолок, почву. Я продолжаю расти, захватывая пространство...

— А мозг? — перебил инспектор, чувствуя, как комок подкатывает к горлу.

— Мозг? Пока это компьютер, нелогичностью своей поставивший вас в тупик. Если хотите, я — живая станция! Вы находитесь внутри меня! — Отсек наполнился скрипучим смехом. — Я проглотил вас! Вы у меня в желудке! Ха-ха-ха. Вы ходите по моей коже, дотрагиваетесь до почек, селезенки. Вокруг все живое.

Жуков вскочил с кресла, но нити мгновенно усадили его обратно. На секунду инспектору показалось, что он действительно находится в чреве дракона.

— Спокойно! Я шучу. Вы мне не мешаете, — добродушно буркнула станция.

По мнению инспектора, существо, способное получать удовольствие от таких шуток, стоило немногого. Однако Жуков успокоился и обрел уверенность. Происходящее уже не казалось ему сном:

— Мозг-компьютер — это понятно. По крайней мере теоретически... Но ведь изначально он должен был быть чем-то заполнен. Что-то должно было зажечь искру, заставить вас думать так, а не иначе?

— Короче, вы желаете знать, что стало первичной программой, банком информации? Вы хотите знать, кто «сидит» в компьютере?

— Да.

— Ну, что ж. В машине «сидит» тот, кого в той, прошедшей, жизни называли А. К.

Жуков остолбенел. Перед глазами его пронесся криком железный крест, строки из бортжурнала, фотография огненно-рыжего гнома...

— Да, разум мой — первично человеческий, унаследовавший все его слабости и изъяны. Но годы не прошли даром: из памяти вытравлено все лишнее.

— Как же это... случилось? Крест...

— Все началось с вируса. А может, и не с него... Просто, крохотное существо, внезапно превратившееся в монстра, разрушающего организм человека, стало трамплином, подбросившим меня ввысь. Оно сделало свое дело и исчезло, оставив меня тем, что я есть сейчас.

Те двое пытались синтезировать вакцину, но я сразу понял, что это путь в тупик. Слабенькое оборудование, нехватка реактивов и, главное, времени. Я их просто презирал! Меня бесил один факт их существования. Я завидовал их уверенности, силе — тому, чего было так мало во мне. И в то же время я сознавал превосходство своего интеллекта. И еще был страх! Им тоже было страшно, но они нацепили маски дурацкого че-

ловеческого достоинства, и это пробудило во мне ненависть.

А. К. надолго замолчал. Из-под потолка доносились странные булькающие звуки.

— Видите, я говорю вам такие вещи, в которых не признаются даже себе. Это лишний раз доказывает, что я выше тысячелетних условностей.

— Но... это же были близкие вам люди. Ваши друзья...

— Дружба — обратная сторона неуверенности. Сильному она не нужна.

Жуков откинулся на спинку кресла и на несколько мгновений отключился от объяснений человека-кибера. Ему вдруг вспомнились первые экспедиции, друзья по радостям и несчастьям. Пашка Иванов, вытаскивший его, ослепленного, обгоревшего из раскаленного лабиринта на Промаксе, Олаф — белокурый гигант, погибший на Бергони, но так и не пропустивший колонну чудовищных странствующих муравьев к поселку... Никто не знал таких слов, как зависть и ненависть. Одни были сильнее, другие — слабее. Это естественно. Как же иначе?

На этой унылой планете Жуков оказался один, но он знал, что быть одному — не значит быть в одиночестве.

— Сама экспедиция внушала мне отвращение, — бубнил А. К. — Век космического освоения! Слова, бред! Сверхдержавы и крохотные княжества бросились делить Вселенную, рвать ее, столбить, забивать боевыми звездолетами.

— Было и такое, — ответил Жуков. — Было. Но большинство выходило в космос строить и осваивать. Старое цеплялось за звездные крейсеры именно потому, что чувствовало приход нового.

— Слова! Все слова. Что понадобилось моей вечно голодающей малютке стране в чужих мирах? Господство! Пылинка, но своя!

Инспектору стало жалко этого полуробота-получеловека, Зверь жесток, потому что он зверь, но человек, в зависти своей вытраивший из себя все челсвеческое...

— И вы решили исправить «несправедливость». Сотворить себя таким, каким представлялось в ваших мечтах, — почему Жуков сказал именно это, он бы и сам не смог объяснить. Он подсознательно чувствовал, куда надо вести разговор. Каждая исповедь А. К. обнажала его слабые места.

— Вы поняли? Я недооценил вас... Разум, в котором каждый атом Вселенной является его частью, — вот истинное имя бога! Хотите, назовите его природой. В раздражении человек бьет чашки, бог — разметывает в пыль галактики со всеми их ничемными обитателями и их еще более ничемными страстями.

Я был хорошим компьютерщиком. Очень хорошим. Были идеи, не было признания и славы. Годы, долгие годы я работал над системой синтеза человека и машины. Переносил в нее частицы своего сознания и возвращал их обратно. Для решающего шага не хватало духу: я знал, что обратно уже не вернусь. И вот — вирус... Другого выхода не было. Спасение для одного, но не всех. Умерло мое тело, разум и идеи получили новое воплощение. Те двое погибли на моих глазах, считая, что я тоже мертв.

Инспектор напрягся. Он понял, что А. К. почти перешел ру-

беж, и упустить его сейчас — значит развязать руки необузданному человеческому честолюбию, вооруженному машинной жестокостью. Жукову было страшно подумать, что может произойти, исполнятся мечты А. К. хоть на тысячную долю процента.

— Что же вам надо от меня, — инспектор тянул время, в уме перебирая возможности нейтрализации космического диктатора. Он чуть приподнял руку, но упругая нить тут же перехватила ее и прижала к подлокотнику.

— От вас мне надо немного. Я, как вы понимаете, не собираюсь останавливаться на уровне станционного компьютера. Оглянитесь! Прimitives! Пока primitives.

Я постоянно совершенствую себя. Уже вся территория пустыни — единый живой мыслящий организм. На первом этапе мной должна стать вся планета. Или я ее. Как вам больше нравится? Каждая песчинка — ячейка моего тела, каждое дерево — нерваное окончание, атмосфера — кожа...

«Что же делать, — размышлял Жуков, рассеянно слушая план завоевания Вселенной. — Где слабое место этого осколка прошлого?»

Излучатель поблескивал на столе, близкий, но недостижимый.

— После планеты я дотянусь до звезд, пространства, галактики. Но... — А. К. на мгновение умолк. — Для всего этого требуется такой пустяк, как...

— Энергия, — договорил за «бога» инспектор.

— Верно. Я открыл ее неисчерпаемый источник, но любому недоучке известно: чтобы получить энергию, надо сперва затратить часть на ее получение. Резерв же станции почти исчерпан.

«Проблема решается, — от напряжения на лбу инспектора выступили капельки пота. — У любой задачи имеется решение».

— Ваш звездолет появился очень кстати. Как видите, пригодился и аварийный маяк... Я воспользуюсь энергией корабля, чтобы открыть себе путь в вечность.

«Стоп! Что фактически представляет собой А. К.? Именно что-то среднее: уже не человек, но еще и не до конца компьютер. Грань! Должна быть грань, которая с годами окончательно исчезнет. Платье рвется по шву...»

— Энергоблоки «Альбатроса» вы могли снять и без моей помощи. Зачем вам все же я? — сказал Жуков лишь для того, чтобы что-то сказать. Крохотная зацепка бродила где-то в лабиринтах памяти.

Голос А. К. приобрел оттенок покровительности:

— Я хочу предложить вам чудесную возможность вырваться из стада и возвыситься.

— То, что вы называли стадом, на человеческом языке называется обществом, на благо которого я и работаю. Вы предали своих товарищей и предлагаете мне тоже стать предателем.

А. К. замолчал. Ромашка на дисплее задрожала и рассыпалась. Наконец кибернетик проговорил:

— Не заставляйте меня раскаиваться в том, что я вас не уничтожил еще у звездолета!

«А ведь он сердится! — с удивлением отметил Жуков. —

Значит, все-таки А. К. не до конца утратил способность переживать. Может, это и есть та грань, которая отделяет человека и машину?»

— Грубостью своей вы чуть было не закрыли себе путь к власти над Вселенной! — продолжил А. К. уже более миролюбиво. — Я сделаю вас бессмертным. Я переведу ваше сознание в машину, очищу его от всего, что мешает развитию. Вы станете тем, кому служат владыки!

— Вам-то какая выгода от этого? — нарочито грубо спросил инспектор.

— Дело в том, что информация, накапливающаяся во мне, требует разрядки. Как бы вам это доступно объяснить?.. Системы мои несколько нестабильны, нужна накладка биополей слабого постороннего разума. Переходя опять к аналогиям, мне иногда требуется собеседник, не являющийся частью меня самого.

«Ого! — подумал Жуков. — Кажется, тепло!»

Инспектор решил проверить блеснувшую догадку:

— Короче, — громко сказал он. — Вам срочно потребовался друг. Богам, оказывается, тоже бывает одиноко...

Рубка сотряслась от рева. На экране засверкали рубиновые пунктиры. Жуков оторвал руку от подлокотника и пошевелил пальцами. Фиолетовые нити выскочили с запозданием в несколько секунд...

— Я не нуждаюсь в друзьях! Не путайте понятия дружбы и рабства. Божественная власть не делится. От вас требуется лишь преклонение.

«Как его разобрало, — облегченно подумал Жуков. — Значит, все правильно. Что такое эмоции с позиции человека? Переживания, способные иногда отключить волю и психологические тормоза. А с позиции вычислительной машины? Наводки, помехи, несмодулированные сигналы или ошибки в программе, сбивающие компьютер с заданного ритма работы! Не поэтому ли А. К. стремится любой ценой подавить их, понимая, что рано или поздно они приведут его системы к полному дисбалансу?»

— Представьте: вы можете повернуть или даже остановить развитие любого мира! Возможность карать и награждать в масштабах Вселенной...

«Когда у человека начинает говорить совесть или его мучает стыд, у А. К. не срабатывают логические цепи. Рыдания, бульканье, провалы в речи, срывы изображения на экранах возникают только в таких ситуациях. Системы компьютера борются с возникающими в них сбоями, и в это время реакция на окружающую среду запаздывает».

— А если я не соглашусь? — спросил инспектор, оттягивая время.

— Ваше согласие и не требуется, — хмыкнул А. К. — Я мог бы проделать все операции еще тогда, когда усыпил вас. Просто фактор добровольности — стабилизирующий фактор, а это для меня весьма ценно.

«Сумасшедший? А может, просто несчастный, которого кризис старого общества загнал в тупик, волей случая оказавшийся электронной вычислительной машиной? Что же делать?»

Уничтожить? Ведь в нем все же осталось что-то человеческое...»

— Вы растворитесь в моем могуществе, станете пылинкой, но в то же время неизмеримо огромной...

«Выхода нет, — решил наконец инспектор. — Какое же чувство наиболее доступно А. К.? Что осталось в его машинной душе? Жалость? Любовь? А может, чувство вины? Вины перед теми, кто умер у него на глазах?»

— Мне вас жалко, — сказал Жуков громко и отчетливо. — Какой вы бог? Вы — предатель, продавший товарищей, человечество, Землю. Вы — хитрец, забившийся в машину, чтобы выжить, и смотревший оттуда на страдания людей, живших с вами бок о бок долгие годы. Всеми вашими действиями руководила трусость, а идея величия — лишь способ оправдать себя перед своей же совестью. Вы пытаетесь заставить свои чувства замолчать, потому что они не дают вам спокойно жить, потому что знаете, что могли помочь «тем двоим» победить вирус. Однако вам нравилось, что выход есть только для одного, что они погибли, а вы, который вечно на вторых ролях, выживаете. Хитрец! Подлый, трусливый хитрец!

Жуков выдохнул последние слова и метнулся к столу. В прыжке он схватил излучатель и, уже падая, почувствовал, как его оплетают фиолетовые нити. Собрав остатки сил, он повернулся и выстрелил в распределительный щиток энергоблока. Тонкий белый луч, оранжевые лепестки огненного цветка...

Темнота.

Жуков очнулся от нестерпимой боли в ноге. Он лежал на полу, уткнувшись лицом в пластиковое кресло. С потолка и стен свисали вытянувшиеся почерневшие нити. Скупой свет аварийного автономного светильника с трудом пробивался сквозь облака гари. Пульт управления безжизнен и темен. Тела обшивка стен.

Инспектор, скрипнув зубами, повернулся на спину. В бедре, распоров ткань комбинезона, засел треугольный стальной осколок. Жуков выдернул его, и из раны побежала кровь.

Инспектор сосредоточился. Струйка истончилась, и рана начала затягиваться. Вскоре на ее месте розовел тонкий и длинный шрам. Сколько таких было на теле Жукова...

Он поднялся и, чуть прихрамывая, подошел к компьютеру. Смахнув осколок стекла, он приподнял панель и вытащил блок памяти. Небольшой, но страшно тяжелый кубик вмещал сознание А. К. Хорошее и плохое — все, с чем он пришел к своему предательству, разместилось в неисчислимых ячейках.

Жуков выбрался из горячей станции и пошел к звездолету. Вставало солнце, громадное, жемчужно-розовое. В его лучах равнина преобразилась.

«А что? Симпатичная планетка, — сам себе сказал инспектор. — Живи и радуйся».

Он азвалил блок памяти на плечо и подумал, что сознание А. К. можно «почистить», перевести в новое синтезированное тело и... Может быть, и для него не все потеряно?